

РУССКИЙ ЯЗЫК

МЕСТОИМЕННОСТЬ ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.К. Радзиховская

Кафедра русского языка
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119435

Местоименность рассматривается как грамматическое основание функционально-семантической категории взаимности. Выявлено смещение отношений противопоставления в парадигме личных форм местоимений на основе множественности в пределах ФСК взаимности. Показана специфика русского языка в организации этой категории.

Ключевые слова: местоименность, взаимность, функционально-семантическая категория.

Местоимение выполняет особенную роль в механизме, обеспечивающем движение слов в речи, чем и объясняется его специфика в системе частей речи. Выступая, подобно знаменательным частям речи, в функции члена предложения, оно способствует сжатию информационной структуры речи с сохранением эффективности мысле-рече-языковой деятельности; (эффективность понимается здесь как «социально обусловленная соотнесенность общественных затрат на производство продукта к ценности такого продукта» [1]). «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека **нечувствительно** к способам **как бы слово свое сократить...**» [2. § 42] (выделено мною — *В.Р.*), — открывает эту тенденцию языкового действия (собственно, интерпретируемую теперь как принцип экономии) М.В. Ломоносов и потому относит местоимение к незначительным «частям слова» [2. § 45]. Исключительность местоимения как части речи А.М. Пешковский видит в том, что они «представляют собой такую **единственную** в языке и **совершенно парадоксальную** в грамматическом отношении группу слов, [у которых — *В.Р.*]... **совсем нет вещественного значения**» [3].

Если частеречное оформление слова служит выполнению им определенной синтаксической функции члена предложения, то местоимение, а точнее местоименность, охватывая лексико-грамматическую соотнесенность слов разных частей речи и выполняя соответствующие синтаксические функции, служит при этом реализации принципа экономии в речи и языке. Выходя за рамки отдель-

ного предложения в анафорической и катафорической связи, местоимения организуют пространство речи, всего текста по отношению к говорящему и собеседнику.

Местоименная организация речи разнится от языка к языку, что требует для каждого языка специального внимания и исследования в психолингвистическом аспекте. Различия системы местоимений и ее функционирования по сути определяют сами грамматики языков, с другой стороны, понимание пространства и себя в пространстве в каждом языке представляется так, что за ними может видеться менталитет его носителей. В английском языке личное местоимение *I* — ‘я’ пишется всегда с большой буквы, а ‘ты’ и ‘вы’ формально не различаются за формой *you*; в польском языке вежливое обращение к собеседнику минует собственно местоимения и выражается в соблюдении дистанции употреблением форм *pan (pani)* по персональности 3-го лица; только в русском языке сложилось взаимное местоимение *друг друга*.

Синтаксическая целостность сочетаний *друг друга*, *друг с другом* как грамматического средства выражения значения взаимности, которые «позволяют одновременно представить два или несколько лиц или предметов по отношению друг к другу субъектами и объектами действия или состояния» [4. С. 183], позволила доказательно вывести парадигму взаимного местоимения *друг друга* [5], а еще раньше интерпретация местоименного выражения *друг друга* как взаимного местоимения была сделана А.М. Пешковским [3]. Во взаимном местоимении *друг друга* ФСК взаимности в русском языке получила более определенную централизацию всей системы средств выражения взаимных отношений, что доказывалось и возможностью выбора местоимений для выражения оттенков значения взаимности: *друг друга* или *один другого*.

Я.И. Рословец отмечал, что «сочетания *один другого*, *один другому*, *один с другим* и т.п. синонимичны сочетаниям *друг друга*, *друг другу*, *друг с другом*, на что указывает их употребление в одном и том же значении и функции» [4. С. 183], однако его же пример этой синонимии: *Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого* (Мамин-Сибиряк) — обнаруживает различие местоимений *друг друга* и *один другого* по функциональной значимости — здесь *один другого* несет некоторый оттенок разъединения, и было бы странным употребление в этом контексте взаимного местоимения *друг друга*.

Можно сказать, что в местоимении *друг друга* скрыт самый секрет ФСК взаимности в русском языке.

Плотная сквантованность смыслов в значении грамматической формы, выражающей отношения взаимности, есть следствие функциональной самосогласованности семантики взаимности в механизме мысле-рече-языкового действия, взаимодействующего с миром. Уже в младенческой речи в онтогенезе так же плотно квантуется семантика взаимности во выражении *най* — ‘дай’, когда происходит контаминация форм *дай* и *на*, формируется квант взаимного значения, позволяющий ребенку свободнее взаимодействовать с окружающими его людьми. Местоименное выражение *один другого* не так тесно слито, как местоимение *друг*

друга: оно не только изменяется по падежам в обеих своих частях, то есть нарушает парадигматическую цельность своей структуры, но допускает различные замены своих элементов, и часто не допускает своей замены местоимением *друг друга*: местоименное выражение *один другого* несет даже оттенок разъединения.

Думается, этот оттенок разъединения участников взаимного действия заставляет писателя предпочесть выражение *одна к другой* взаимному местоимению в тексте:

«Девушки просыпались утром под звуки дальних орудийных выстрелов, ссорились с родителями, — девушки убеждали родителей уезжать немедленно и оставить их одних, а родители говорили, что жизнь их уже прошла, а вот девушкам-комсомолкам надо уходить от греха и беды, — девушки наскоро завтракали и бежали одна к другой за новостями» (А. Фадеев).

Местоимение *друг друга*, более устойчивое в парадигме [5], обозначает и бóльшую плотность субъектно-объектного взаимодействия, и более точно передает семантику взаимных отношений по сравнению с местоименным выражением *один другого*, но, как видно, присутствие его в языке не исключает альтернативного его использования.

Для функционально-семантической категории (ФСК) взаимности, которая представляет собой систему разноуровневых средств, взаимодействующих между собой при выражении значения взаимных отношений (значения *взаимодействия субъектов, находящихся в объектной зависимости, прямой или косвенной*) [6; 7], местоименность как категориальное явление представляет собой грамматическую основу ее организации. ФСК взаимности как категория в поле залоговости [7; 8], взаимодействуя с полем персональности [7], входит в комплекс взаимодействующих между собой функционально-семантических полей акционально-субъектных и акционально-объектных отношений [9].

Неглагольные элементы персональности составляют опору ФСК взаимности, а значит, не могут быть отнесены к фону, на котором выступают взаимные отношения. Как раз ФСК персональности обеспечивает реализацию равноправных отношений в поле взаимности в плане содержания и в плане выражения, так что можно сказать, что семантическая область ФСК персональности в пределах ориентации на взаимное местоимение *друг друга* как ее центр и есть сама система ФСК взаимности. Поле организации и стилистического варьирования средств ФСК взаимности представляет собой отношения конкуренции форм выражения взаимности: возвратной и невозвратной формы глагола, местоимения *себя* и местоимения *друг друга* и местоименного выражения *один другого*, а также конверсной структуры сложносочиненного предложения [6; 7; 10].

В.И. Даль дал ценные для понимания ФСК взаимности толкования с примерами местоименному выражению *друг друга*.

Семантическую организацию слова *друг* В.И. Даль ведет от его местоименного значения ‘такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому’, выстраивая всю систему значений через значение, возникающее в поле речевого общения: ‘общее названье или привет, в беседе с равным или низ-

шим' — к значению 'близкий человек, приятель, хороший знакомый; а в самом тесном смысле, связанный узами дружбы' [11]. Развернутая им диахронно лексико-семантическая иерархия в свете современных представлений в лингвистике выстраивается иначе, но глубоким проникновением в семасиологические связи во внутренней стороне слова отражает зафиксированную языковым кодом ментальность. Взаимное местоимение *друг друга*, сохраняющее своим повторением генетическую память о связи с существительным *друг*, являет собой замечательную черту русского языка, вызвавшего не однажды рефлексии. Такого рода всплески связей дает детская речь:

«Мама, что такое война?» — «Это когда люди убивают друг друга», — объясняет мать. — «Не друг друга, а враг врага!» — поправляет дочь [К. Чуковский «От двух до пяти»].

Указанием на коммуникативную направленность значения слова *друг* в слове В.И. Даля вскрывается возможность проникновения в социоаспект рассмотрения ФСК взаимности. Здесь-то и лежит путь к определению границ и самой организации ФСК взаимности. Специфические формы языковой коммуникации (обращения, формы выражения модальности: согласия/несогласия, обиды/приятия и т.д.) обнаруживают существование в языке ФСК взаимности во всем объеме ее функционирования. Резко критикуя поиски морфологической организации категории залога в русском языке, В.И. Даль («тут выхода нет» [11. С. 30]), своим словарем ответил на многие вопросы функционирования языковых форм взаимного значения. В частности, для каждого случая, даже когда как будто нет формальных выразителей взаимного значения, В.И. Даль по употреблению, по ситуации среди других значений выявлял значения взаимности («Глаголы наши... требуют признания в них силы самостоятельной, духовной и, покоряясь только, подчиняются разгаданным внешним признакам этой духовной силы, своего значения и смысла» [11. С. 16]): «*встречать...* сходитьсь или съезжаться с кем в противоположном направлении; находить кого или что по пути; доживать до чего... *-ся*, то же, а вся разница в обороте; повстречаться, *встречать*. *Я иногда встречаю его или с ним встречаюсь. Мы встретили помеху или Она нам встретилась. Встретиться глазами, взорами*, взглянуть разом друг на друга; *Встренуться мыслями*, задумать одно и то же» [11].

Взаимное значение *-ся* как совпадающее со значением взаимного местоимения *друг друга* дается специально А.М. Пешковским: «У надставки *-ся* существует... особое **взаимное** значение,... остается только сформулировать эту “взаимость”. Точная формулировка будет такова: действие направляется в таких глаголах **с каждого из деятелей на каждого из тех же деятелей**, так что каждый является одновременно и действующим предметом (субъектом) и предметом, подвергающимся действию (объектом). Это отношение прекрасно выражается в языке одним коротким словом *друг друга...* Само собой разумеется, что деятелей при таком значении глагола должно быть **не менее двух**, так что если эти глаголы и могут употребляться в ед. ч., то только с предлогом *с* (*целуется с кем, мирится с кем* и т.д.)» [3. С. 130].

Заметим, однако, здесь, что в образованных от называемых нами взаимно-объектных глаголов (*знакомиться, ссорить, мирить, объединять* и др. [7]) глаголах: *знакомиться, ссориться, мириться, объединиться* и др. (по классификации Н.А. Янко-Триницкой глаголах **исключенного** объекта, названных так потому что они, «становясь непереходными, полностью утрачивают ту сторону лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, поскольку прямой объект производящего глагола не включается в значение возвратного глагола и не переходит в косвенный объект при нем» [5. С. 205]) — аффикс *-ся*, из-за имеющейся в их лексической части производящей основы (*ссорить, мирить, объединять*) семы взаимности, реализующейся в управлении ‘кого с кем’ передает уже не взаимное значение, а общевозвратное, наиболее точно передаваемое местоимением *сам*: ‘сами ссорятся’, ‘сами мирятся’, ‘сами объединяются’. Эти глаголы находятся, мы бы сказали, в *квазиантонимических* отношениях к исходным соответствующим им переходным невозвратным глаголам по противопоставлению их взаимно-объектному значению. Противоположение глаголов возникает не столько по отсутствию в них каузации взаимных отношений, сколько по изменению пространственной ориентации действия: не направленного на взаимно обусловленный объект, а исходящего от взаимно обусловленного субъекта.

Методологически нам важны здесь идеи А.М. Пешковского о принципиальных свойствах языковой системы: «язык **не составляется** из элементов, а дробится на элементы, и первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы. Поэтому нельзя, собственно, определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а фразу как совокупность словосочетаний» (подчеркнуто мною. — *В.Р.*) [12. С. 52]. Лингвистические исследования продуктивны, если согласуются с природой изучаемого явления. А.М. Пешковский видел природу языка как сложной системы, и притом составляющей триединство — мысли-речи-языка — сверхсложной системы, что в плане методологии отвечает нашему квантово-синергетическому подходу к явлениям языка при исследовании механизмов (систем связей, участвующих в процессе) взаимодействия лексических и грамматических средств языка на примере социально значимой категории взаимности.

Грамматическая семантика корректирует лексическую организацию речи, помогает ввести недостающие кванты и соединиться в квант более высокого уровня для оптимального использования языковых форм. Грамматическая семантика взаимного действия передается обозначением субъектно-объектной обусловленности двух и более исполнителей действия. Грамматические средства, применяемые для обозначения взаимного действия, включают в себя синтаксические структуры сложного и простого предложения, которые теоретически позволяют любому слову (практически самому широкому кругу слов) использоваться для обозначения ситуации взаимных отношений, и таким образом расширяется лексическое основание ФСК взаимности и нарабатывается ее центр:

- (а) ...ты бросай мне, а я тебе. Как только я брошу свою тарелку, ты сейчас же бросай свою мне, а мою лови, а я твою буду ловить.

Я побывал в гостях у многих ребят из нашего класса, и многие ребята побывали у нас. (Н. Носов «Витя Малеев...»);

- б) Он просидел недолго, но с Анютой держал себя дружелюбно и просто, и **они обещали друг другу переписываться**. (С. Ковалевская);

Так идет оно по кругу, / И **ругают все друг друга**, / Лишь в согласье все подряд / Авиацию бранят (А. Твардовский).

Среди синтаксических форм, способных передавать отношения взаимности, первой была отмечена лингвистами [А.Х. Востоков] прилагательная форма творительного падежа с предлогом *с*, благодаря которой взаимные глаголы могут употребляться в единственном числе, но при этом по необходимости передавать некоторую неравноправность, динамическую неоднородность взаимных отношений:

Все это значило, друзья: / **С приятелем** стреляюсь я. (А. Пушкин);
Татьяна **с ключницей** простилась / За воротами. (А. Пушкин).

Образованию морфологических форм взаимного значения, формированию морфологической категории взаимного залога, однако, препятствует сложный характер структуры этой категории: биполярность ее структуры входит в противоречие с преобладанием, как мы понимаем, моноцентрической тенденции в формировании всего языкового устройства. Так что грамматический центр категории взаимности формируется за пределами морфологии в местоименной организации языковой системы.

Плавным движением слова в синтетическом языке выражение взаимной субъектно-объектной зависимости частично «растворилось» в возвратных формах глагола, исторически сложившихся также на основе слияния глаголов с возвратным местоимением. Такого рода слияние можно заметить и в современном состоянии языка в лексикализации сочетаний глагольных форм с возвратным местоимением: *чувствовать себя* (здесь в общевозвратном значении).

Однако в конкуренции за грамматический центр ФСК взаимности в русском языке морфологические формы выражения взаимных значений (взаимно-возвратные глаголы) уступают синтаксическим, отдельному выражению взаимозависимости местоимением *друг друга*, поскольку сравнительно небольшой круг возвратных глаголов передает значение взаимного действия без поддержки контекста, не меняя при этом лексического значения исходного переходного глагола. С избыточностью это местоимение используется и при взаимных глаголах, но главное — оно помогает самому широкому кругу слов передать отношения взаимной обусловленности субъектов как объектов:

Мы поздно разошлись и долго **проводжали** друг друга, чтобы сколько-нибудь рассеять удручающее настроение. (И. Репин);

Если люди друг друга **процеловали** до дыр, / вот это/ по-русски / называется — / мир. (В. Маяковский);

Люди не должны спорить или утверждать, они должны **сообщать** друг другу свои мысли. (Дж. Китс).

Местоимения, сообразно с принципом экономии, сокращают синтаксическую организацию речи: *Мы любим их, они любят нас.* ⇒ *Мы любим друг друга.* Служебная функция выполняется местоимениями «вертикально», через анафорические связи с существительными, обозначающими субъекты взаимного действия, как это происходит и у возвратного местоимения *себя*, предполагающего в качестве исходной падежной формы любое существительное, с той разницей, что при местоимении *друг друга* оно должно стоять во множественном числе:

У вас в классе **девчонки** выдают друг дружку? У нас **ребята** не выдают друг друга (Н. Носов);

Только что **оба эти брата**, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму... (А. Гайдар).

Это не исключает применения синтаксических параллельных конструкций, развернутого представления взаимно-переходных значений:

Мне кажется, свободным Сулержицкий был только в мечтах и в мире фантазии. Людьми, даже теми, **кто его любил и кого он любил**, Сулержицкий был как-то стиснут. (С. Бирман);

Характер у Иллариона Игнатьевича... непрост. Девиз «**не тронь меня, и я тебя не трону**» ему враждебен. (А. Арбузов).

Но чаще носители языка и вслед за ними писатели стараются избежать (без необходимости) повторения глаголов, обозначающих акт взаимодействия, или с помощью взаимного местоимения, экономя усилия, или разнообразя речь богатством словаря:

Месяцев шесть спустя сестра получила от Федора Михайловича письмо, в котором он извещал ее, что встретился с удивительной девушкой, которую **полюбил** и которая **согласилась пойти за него замуж**. (С. Ковалевская);

Он поглядывает на тебя не без любопытства. **А ты**, насколько я понимаю, **совершенно ошалела от любви к нему**. (А. Арбузов);

«**На девок, однако, смотрел и снился им по ночам**» (В. Шукшин).

В последнем случае можно видеть свертывание конструкции сложного предложения в простое вокруг одного подлежащего, так что в соответствии с реалиями выявляется и «неравноправная» по характеру выполняемого действия ситуация взаимных отношений. Сложное синтаксическое построение на основе обратных отношений взаимности находим в поэтической речи:

Бывало, он **трунил** забавно, / **Умел морочить** дурака / И умного **дурачить** славно, / Иль явно, иль исподтишка, / Хоть и ему иные штуки / Не проходили без науки, / Хоть иногда **и сам впросак** / Он **попадался**, как простак... (А. Пушкин).

В художественной речи, стилизованной под разговорную, обратимость взаимных действий выражена соответственными лапидарными конструкциями:

«*Разбойник за разбойника / Вступился!*» прасол вымолвил, / А Лавин скок к нему! / — *Молись!* — и **в зубы прасола**, / «*Прощайся с животишками!*» — / И прасол **в зубы Лавина**. / «*Ай, драка! молодцы!*» / Крестьяне расступились, / Никто не подзадоривал, / Никто не разнимал. / Удары градом сыпались: / — **Убью!** пиши к родителям! / «**Убью!** зови попа!» (Н. Некрасов).

В речи на первый план выходят периферийные средства ФСК взаимности, используются реципрокные конструкции с пропуском глагола: *Ты мне, я тебе* (название фильма); состояние ссоры с матерью пятилетняя девочка как-то выразила словами: *Ах, ты здесь, так я там*.

Косвенные указатели взаимного значения — квалификаторы, будучи в языковой структуре лексической периферией ФСК взаимности, при выражении взаимного значения в речи — особенно в диалогической речи (ситуации адекватной полю взаимности и потому предельно сокращенной — сквантованной) — могут стать основным и единственным показателем взаимных отношений. В ситуации диалога нет нужды повторять вторую часть обратимой конструкции взаимных отношений — достаточно одного квалификатора: *«Я рад»*. — *«Взаимно»*.

Языковая структура нарабатывает наиболее экономное средство выражения взаимных отношений, которое служило бы организации максимального охвата лексики при создании поля взаимности. Взаимное местоимение *друг друга* позволяет экономить усилия в использовании лексики, сокращать речь, покрывая собой широкий круг объектных и обстоятельственных значений. Сквантованность этого местоимения настолько плотная, что некоторые глаголы сливаются с ним, получают конструктивно обусловленное значение, например, глагол *походить* — ‘быть похожим, иметь сходство с кем-чем-н.’: *Он походит на...* = *Он похож на...*, но *Они походят друг на друга* = *Они похожи*.

В грамматическом центре ФСК взаимности конкурируют морфологические и синтаксические формы. Языковой код русского языка реагирует на неустойчивость отношений форм выражения взаимности нежестким формированием системы ФСК взаимности с подвижным центром. В качестве грамматического центра взаимного действия в русском языке потому закрепилось взаимное местоимение *друг друга*, что оно обладает свойственной грамматическим формам шириной охвата лексики наименования участников взаимного действия и достаточной падежной парадигмой для выражения пространственных отношений их взаимных отношений и способно соединяться с широким кругом глаголов и соответствующих отглагольных имен. Намечающийся же в современном русском языке морфологический центр этой категории «уходит в лексику»: значение взаимного действия высвечивается лишь у части возвратных глаголов и отчетливее проявляется в соответствующих синтаксических конструкциях [13], легко деформирующихся и способных выражать различные вариации взаимного действия. Значение взаимного действия реализуется с помощью выражения множественности субъектной позиции и обусловленности тех же субъектов в объектной позиции. То и другое значение не находит необходимого и достаточного грамматического выражения в форме одного слова. Полнее всего для выражения взаимного действия используются формы трех слов: глагола и его актантов. Минимально значение взаимного действия выражается формой множественного числа глагола и зависимой от него формы взаимного местоимения *друг друга*: *Они любят друг друга*; *Они не видели друг друга*; *Они пишут друг другу*; *Они не довольны друг другом*; *Они помнят друг о друге*. Эти формы признаем наименьшими, если согласимся, что предложения с синтаксическим нулем в подлежащем (*Встанем друг против друга*;

Сядем, бывало, друг рядом с другом) или с синтаксическим нулем в дополнении (*Мальчики ссорятся; Прямые пересекаются*) представляют собой **неканонические** формы выражения **взаимного залога** в русском языке [13]. Среди прочих самое центральное положение в грамматической системе ФСК взаимности занимают формы со значением **прямых** объектных отношений субъектов взаимного действия — формы с винительным падежом местоимения *друг друга*, ибо они обозначают непосредственно объектную позицию субъектов.

Взаимное местоимение *друг друга* выигрывает и в конкуренции с возвратным местоимением *себя*. Местоимение *себя*, хотя и «короче» взаимного местоимения *друг друга*, имеет тот недостаток, что допускает двусмыслицу, однако разрешаемую контекстом и ситуацией:

Вы только на себя посмотрите. Я посмотрел на Костю... Наверное, и я был не лучше (Н. Носов), —

контекст дает основание видеть здесь взаимные отношения. Без продолжения текста: *Я посмотрел на Костю... Наверное, и я был не лучше*, — можно было бы понять, что каждый должен посмотреть на себя, то есть выполнить не взаимное действие, а совместное. В польской речи эта омонимия значения возвратного местоимения в ситуации взаимного и совместного действия обыгрывается в шутке: *Wywamy u siebie: on u siebie, ja u siebie*. Аналогичный шуточный уход от взаимного значения известен на русском языке при использовании краткой формы прилагательного в конструкции, также имеющей недостаточное оформление взаимности: ***Мы с тобою влюблены: ты в картошку, я в блины***.

Местоимение *себя* в содержательном отношении не является самостоятельным, и конденсация взаимного значения происходит лишь при определенных контекстных условиях, поэтому ему «не хватает сил», чтобы стать универсальным средством выражения отношений взаимности, оно не может развиваться в грамматический центр системы средств ФСК взаимности. Предложно-падежная форма *между собой*, передающая более ясно за счет предлога значение взаимности, отмеченная как неканоническая конструкция взаимного залога [13], потому и не стала универсальной для ФСК взаимности: в своем применении она синтаксически ограничена:

Барышни молодые соберутся иногда вечером толпой целой и, взявшись под ручки, как будто ненароком, раз пять или шесть пройдут мимо его мезонина и всякий раз, проходя мимо его окон, громко начинают между собой разговаривать и пересмеиваться... (С. Ковалевская),

как и ее стилистически маркированные варианты *между собою*

Пьер засиделся в этот вечер так поздно, что княжна Марья и Наташа переглядывались **между собою**. — Л. Толстой

и *меж собой*

Коли и впредь будете слабину пускать да мутить казаков, а **меж собой не перестанете лаяться на всю губу**, не взвидать мне красного солнышка — он перекрестился — перевешаю вас всех на одной осине. — А. Весёлый.

Несмотря на явные преимущества однословной формы, контекстуальная ограниченность «не пускает» его в грамматику поля взаимности, однако оно становится синтаксической основой для словообразовательного процесса формирования возвратных глаголов со значением взаимного действия, которые своим влиянием на лексику обнаруживают стремление к упорядочиванию ФСК взаимности, ее грамматикализации.

Все же стремление возвратной формы глагола сформировать центр ФСК взаимности представляется принципиально не обеспеченным, хотя регулярность образования этих форм довольно высокая. Возможности выражения взаимного значения посредством словообразования, по нашим наблюдениям, увеличиваются на два порядка с 0,01% слов, представляющих взаимное значение лексически в словаре [14]; на долю образования возвратных форм взаимного значения приходится увеличение с 0,09% до 0,9%.

Образование глагола взаимного значения определяется валентностной характеристикой исходного невозвратного глагола. Глаголы **включенного** объекта [5], как наиболее показательные взаимно-возвратные глаголы, образуются «от переходных глаголов, семантика которых предполагает обычно объект одушевленный, причем этим объектом может быть и взаимное местоимение *друг друга*, значение которого и включается в значение возвратного глагола» [5. С. 193].

Взаимное значение основных глаголов взаимного действия инициируется самим исходным глаголом. Невосприимчивость каких-либо глаголов к взаимному значению постфикса *-ся* еще не может служить основанием для вынесения ее за пределы грамматики. В пользу того, что возвратная форма с взаимным значением суть явление лексики, говорит тот факт, что она не входит с невозвратной формой в отношения по типу привативной оппозиции, то есть формирует свое особенное значение. Кроме того, взаимное действие может быть обозначено и невозвратными глаголами. В русском языке отмечается «небольшое количество глаголов, своим лексическим значением указывающих на действия, которые не могут быть произведены одним лицом, в одиночку, а непременно требуют участия нескольких лиц, причем эти лица находятся в определенном отношении не только к действию, но и к друг к другу. Таковы глаголы *враждовать, спорить, дружить, беседовать, разговаривать, воевать* и другие, прежде всего глаголы, связанные по значению с речью, с беседой, с общением между людьми» [5. С. 189—190].

Глаголы, изначально фиксирующие таким образом взаимный характер действия, это прежде всего глаголы мысле-рече-языкового действия — взаимного по своей природе, так что взаимное значение в них представлено лексически. Поэтому-то, как мы понимаем, они и не нуждаются в дополнительном оформлении взаимности. Взаимное действие, обозначаемое взаимно-возвратными глаголами, по отношению к действию, обозначаемому их производящими глаголами, представляет собой качественно новое действие, оно всегда отличается от значения производящего глагола в тонах и обертонах. Сочетание же с взаимным местоимением так легко не лексикализуется, сохраняется некоторая отдельность невозвратного глагола, что косвенно показывается при сопоставлении форм: *любим друг друга* и польск. *kochamy się, понимаем друг друга* и польск. *rozumieją się* —

лексически не соотносятся. В русском языке также не совпадают окказиональные образования возвратных глаголов с сочетаниями глаголов со взаимными местоимениями: *любим друг друга* и «любимся», *понимаем друг друга* и «понимаемся» — и некоторые освоенные формы: *увидим друг друга* и *увидимся*. Даже если и возникает равнозначность возвратных глаголов и выражений соответствующих глаголов с местоимением *друг друга*, везде взаимно-возвратные глаголы передают большую плотность взаимодействия — специфичное взаимное действие.

Формирование возвратной формы глагола взаимного действия зависит от лексической наполненности взаимным значением производящей его основы: слово не любит ничего лишнего, но ради выразительности, «красоты» избыточность возвратной формы может удерживаться (*воеваться с кем* стар. и арх. [11] — *воевать*, *дружиться* — «вступать в дружеские отношения» [11] — *дружить*). Колеблется относительно возвратного оформления периферийный глагол взаимного действия охраняющий семантическое поле глагола *бороться* — глагол *сдаваться* («прекратить сопротивление, признать себя побежденным» [11]) — глагол *сдавать* («стать слабее, тише, хуже» [11]):

Как ни трудно, как ни худо — **Не сдавай**, вперед гляди (А. Твардовский).

На периферии ФСК взаимности находятся лексические средства выражения участников взаимного действия. Персоналия поля взаимных отношений формируется наработыванием специфических наименований лиц, вступающих в отношения объектной взаимной зависимости (таких, как *конкурент*, *соперник*, *дуэлянт* и др. [15]), и координируется системой местоименных и глагольных форм лица. Наименования лиц как участников взаимного действия потому входят в ФСК взаимности, что с помощью грамматических форм они попадают функционально в предикативный центр ФСК взаимности, выступая в функции сказуемого, конкурируя с взаимными глаголами: *они соперники*, *они друзья*, — и таким образом передают актуализацию взаимных отношений:

Вот как мы сделались приятелями. (М. Лермонтов).

Другая возможность передать значение взаимных отношений показана Н.А. Янко-Триницкой: это «редкие случаи, когда прямое дополнение лексически тождественно с подлежащим, напр.: *рука руку моет*, *рыбак рыбака видит изда-дека* и т.п.» [5].

Имена существительные, называющие лиц — участников взаимного действия, собственными силами способны реализовать семантику взаимности, выступив по модели взаимного местоимения *друг друга* одновременно в функции подлежащего и прямого дополнения. В этом втором случае лексический набор имен расширяется — это не ограниченный круг наименований лиц взаимного действия, всегда предполагающих существование по крайней мере двух участников взаимных отношений (*друг*, *конкурент*), — но любые номинации потенциально взаимных субъектов.

Сформированные по модели взаимного местоимения, эти существительные не ограничиваются функцией прямого дополнения взаимного местоимения, что

доказывает центральное положение последнего в системе средств ФСК взаимности:

Третьи сутки кукиш кажет в животе **кишка кишке**. (А. Твардовский);

Говорят, **собака собаку** не укусит. (С. Моэм);

Ворон ворону глаз не выклюет; **Слепой слепого** ведет, друг — друга...

Нарушение равноправности участия в этих соотношениях разрушает взаимность:

Человек человеку — друг, **человек для человека** — забота (шведская поговорка).

Иерархия персоналии ФСК взаимности допускает перемещение наименований лиц (участников взаимных отношений) на периферию поля персональности в пределах ФСК взаимности. В лексической системе формируются наименования лиц не самих участников взаимных отношений, но регулирующих эти отношения (*сваха, судья; судьба играет человеком* — распоряжается формированием полей взаимности) — грамматическими показателями объектной позиции наименований лица являются взаимно-объектные глаголы (*мирить* 'кого с кем'), также относящиеся к периферии поля взаимности, и управляемые ими наименования лиц.

Парадигма личных форм местоимений в пределах ФСК взаимности претерпевает некоторые смещения отношений противопоставления, поскольку исходной в поле взаимных отношений становится форма множественного числа [7]. Форма единственного числа в необходимом для взаимных отношений контексте множественности используется лишь при выражении динамической неоднородности взаимных отношений: Я и ТЫ (*я с тобой*) или при другой акцентуации ТЫ и Я (*ты со мной*) = **МЫ** (или *мы с тобой*), также Я и ОН (*я с ним*) или при другой акцентуации ОН и Я (*он со мной*) = **МЫ** (или *мы с ним*); ТЫ и ОН (*ты с ним*) или при другой акцентуации ОН и ТЫ (*он с тобой*) = **ВЫ** (или *вы с ним*); наконец, ОН (ОНА) и ОНА (ОН) = **ОНИ**.

Об образовании особой парадигмы в системе форм лица ФСК взаимности свидетельствует и так называемая форма побуждения к совместному действию в повелительном наклонении, и факт разрыва взаимных отношений в поле противопоставлений, обнаруживаемого использованием основной парадигмы категории лица глагола:

Они, конечно, не знают меня, да **я-то их знаю** (Ф. Достоевский).;

«**Я с вами не разговариваю!**» — гаркнул Ян. — «**Да и я не вам говорю...**» (Б. Прус) —

и, может быть, самое главное — факт, что поле взаимности ослабляется до исчезновения, если поле взаимных отношений организуется только одним исполнителем, если в тексте средства категории взаимности выступают в конкретном значении единственного числа:

Я согласился быть депутатом, потому что с собой этот вопрос обдумал. (Вяч. Иванов).

Такой «вырожденный» случай взаимных отношений можно видеть в факте экстериоризации внутренней речи и ее изображения: *Тихо сам с собою я веду бесе-*

ду..., — хотя с точки зрения порождающей грамматики такого рода факты могут рассматриваться как частный случай поля взаимных отношений, если понимать речь как виртуально раздвоенное действие: сформировавшаяся речь есть само-согласование механизма мысле-рече-языкового действия. Согласие с самим собой есть условие успешного взаимодействия с миром. Интериоризация внешней речи, рождая внутреннюю речь, обеспечивает реализацию мысле-рече-языковой деятельности и открывает поле взаимных отношений полноценного взаимодействия человека с миром:

Кого ж любить? Кому же верить? / Кто не изменит нам один? / Кто все дела, все речи мерит / Услужливо на наш аршин? / Кто клеветы про нас не сеет? / Кто нас заботливо лелеет? / Кому порок наш не беда? / Кто не наскучит никогда? / Призрака суетный искатель, / Трудов напрасно не губя, / Любите **самого себя**, / Достопочтенный мой читатель! / Предмет достойный: ничего / Любезней верно нет его. (А. Пушкин «Евгений Онегин», 4, XXII) —

все дело в мере пространственно-временных параметров отношений.

Парадоксальную фазу нарушения основных условий реализации значения взаимности используют художники слова:

Стой-постой! / Видать персону. / Необычный индивид / **Сам себе** по телефону / на два голоса звонит. // Перед мнимой секретаршей / тем усердней мечет лесть, / Что его начальник старший — / Это лично он и есть. // И упившись этим тоном, / Вдруг он, голос изменив, / **Сам с собою** — подчиненным — / Наставительно учтив. (А. Твардовский «Геркин на том свете»).

Использование местоимений в диалогической речи сталкивается с проблемой функциональных переходов от передачи взаимных отношений участников взаимного действия в содержании речи к участникам непосредственного речевого действия. Это наиболее сложный участок взаимодействия системы форм лица ФСК взаимности с системой форм лица ФСК персональности, при котором и происходит воздействие фона ситуации (контекста) на значение взаимности. Проблема использования местоимений в диалогической речи является уже в онтогенезе (местоименные формы устанавливаются в детской речи последними): *«Я могу дать тебе мне для выступления»*, — просит у матери помощи первоклассница. Своеобразие функционирования форм лица в ситуации взаимных отношений можно обнаружить при столкновении поля взаимности, выстраиваемого говорящим и его собеседником: (говорит больная мать ухаживающей за ней дочери): *Я тебе желаю, чтобы сложность с тобой [когда ты будешь болеть] была бы такая же, как у меня с тобой, то есть у тебя со мной.* — то есть ‘тебе со мной не трудно’. Восприятие такого предложения затрудняется столкновением полей взаимности, зафиксированных личными местоимениями, на разных уровнях речи: ситуации и сообщения.

Лексическая персоналия поля взаимных отношений регулируется по оценке противопоставлением: ‘вступающий во взаимные отношения положительного характера, как мы определяем, собственно взаимные отношения’ и ‘вступающий во взаимные отношения отрицательного характера, которые мы определяем как антивзаимные отношения’ [6; 7; 16]. Эта оппозиция сходна и частично совпадает

с различием конвергентного и дивергентного взаимного действия [17; 18]. Оценочная компонента опирается, однако, здесь на оппозицию местоимений *свой*—*чужой*. В поле взаимности у местоимения *свой* ведущим становится значение: «5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой. *Свои люди — сочтемся* (поговорка). *С. человек. Он парень с. В кругу своих* (сущ.). *Своих* (сущ.) *не узнаешь* (употр. как угроза кому-н.; разг.)» [19], противопоставленное значению местоимения *чужой*: «2. Не родной, не своей семьи, посторонний. *Чужие люди. Стесняться чужих* (сущ.)» [19]; *Какой-то чужой человек пришел, незнакомый* [11].

Оппозиция этих значений выступает, например, в пословице, представляющей позитивную ситуацию взаимных отношений: *Не чужие люди, свои, своя семья, родичи*. [11], и в пословицах, представляющие ситуации различных оттенков антивзаимности: *Кому от чужих, а нам от своих*. [11], *Бей своих — чужие бояться будут!* [11], *Чужую бороду драть — своей не жалеть (свою подставлять)* [11], *По чужую голову идти — свою нести* [11], *О чужой голове биться — свою на кон ставить* [11], оппозицией семантики взаимности и антивзаимности достигается экспрессия названия фильма *Чужой среди своих*.

Семантический объем этих местоимений в поле взаимности дифференцируется по признаку: ‘формирующий и сохраняющий отношения взаимности’ и ‘ведущий к разрушению взаимных отношений’, что доказывается контекстами:

До войны едва в помине / Был ты, Теркин, на Руси. / Теркин? Кто такой? А ныне / Теркин — кто такой? — спроси. // Теркин, как же! — Знаем. / Дорог. / **Парень свой**, как говорят. // Словом, **Теркин**, тот, который / На войне **лихой солдат**, / На гулянке **гость не лишний**, / **На работе хоть куда...** (А. Твардовский «Василий Теркин»)

— Ты куда спешил — к хозяйке? / Матка, млеко? Матка, яйки? / Оказать решил нам честь? / Подавай! А кто ты есть, // **Кто ты есть, что к нашей бабке / Заявился на порог**. / Не спросясь, не скинув шапки / И не вытерши сапог? // Со старухой сладить в силе? / Подавай! **Нет, кто ты есть, / Что должны тебе в России / Подавать мы пить и есть?** // Не калека ли убогий, Или добрый человек — / Заблудился / По дороге, / Попросился / На ночлег? // Добрым людям люди рады. / Нет, ты **сам себе силен**, / Ты наводишь / **Свой порядок**. / Ты приходишь — / **Твой закон**, // Кто ж ты есть? Мне толку нету, / Чей ты сын и чей отец. / Человек по всем приметам, — / Человек ты? / Нет. Подлец. (А. Твардовский «Василий Теркин»);

но:

Я — смоленский. Я там дома. / Я там — **свой**, а он — **чужой**. (А. Твардовский «Василий Теркин») [‘враг’].

При этом ФСК взаимности проявляет динамическую неоднородность представления семантики, квантовый характер сложной системы:

Есть и братья у меня, да **не свои**, чужие [11].

Хорошо — **свои ребята**. / — Хорошо, да как когда. (А. Твардовский «Василий Теркин»);

Хорошо, друзья, приятно, / Сделав дело, ко двору — / В батальон идти обратно / Из разведки поутру... Видеть, знать, что *каждый встречный- / Поперечный* — это **свой**. / Не знаком, а рад сердечно, / что вернулся ты живой. (А. Твардовский «Василий Теркин»);

Ну, так я вам скажу, что он... не то что мне не нравится, а я чувствую, что он мне **чужой**, и я ему **чужая**... да и вы **ему чужой**. / Это почему? / Как вам сказать... Он *хищный*, а мы с вами *ручные*. (И. Тургенев «Отцы и дети»).

Видимо, *назваться чужим именем* [11] — значит изменить свое место в реальном поле взаимных отношений.

Оппозиция местоимений свой—чужой поляризует весь лексический ареал ФСК взаимности:

Свой своему поневоле **друг (брат)** [11].

Это не свой брат, не **ровна**, не **товарищ** [11].

Он у них свой человек, **друг дома** [11].

До чего они, **живые**, / Меж собой свои — дружны (А. Твардовский «Василий Теркин»).

Эта поляризация определяет и переходную зону в поле взаимных отношений в речи:

Слуги тоже привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки **свой брат, не барин**. (И. Тургенев «Отцы и дети»).

В поле взаимных отношений по предмету взаимного интереса, стимулирующему формирование взаимных отношений [20] (за введение наименований предмета взаимного интереса в систему средств ФСК взаимности говорит не только соответствующая предметная лексика (*деньги, товар*), но и глаголы взаимного действия с таким предметом: *делиться* — делить что между собою [11], *сложиться по рублю*, складчиною, дать на общее дело [11], — выделенные Н.А. Янко-Триницкой среди взаимно-возвратных глаголов как глаголы **переключенного** объекта), попадают и **притяжательные** местоимения: в языке и речи происходит взаимодействие отношений владения и взаимности — пересечение полей посевности и взаимности. Глаголы **переключенного** объекта, «основной особенностью [которых — В.Р.] является именно то, что прямой объект производящего глагола не входит в значение возвратного глагола, но и не утрачивается бесследно, а переходит в косвенный объект» [5. С. 203]: глаголы *делиться, меняться, обмениваться, переписываться, торговаться* и др.

Здесь необходимо появляется предмет как объект взаимного действия. Хотя значением формы не указано направление манипуляций с объектом как связующим субъектов, но указывается направление действия на объект, связанный с субъектами отношениями владения, указывается на принадлежность объекта (предмета действия) субъектам взаимного действия.

Такую ситуацию, когда взаимно-возвратные глаголы обозначают действие, направленное не на сами субъекты взаимного действия, но на предметы действия, рассматривает К. Вильчевская: «...czynność nie jest skierowana wprost na osobę partnera, lecz na przedmiot do niego należący: „Złożmy się po kilku złotych”» [21] — здесь не указывается направление операций с объектом, но выделены отношения владения, принадлежности объекта субъектам. А между тем предмет взаимного действия, понимаемый нами широко как предмет взаимного интереса, имеет особое значение для анализа ФСК взаимности.

Есть основания думать, что именно он организует поле взаимных отношений, всегда явно или неявно присутствуя в нем.

Как следствие взаимодействия взаимных отношений и отношений владения противоплагаются в притяжательно-возвратном значении местоимения *свой* и лично-притяжательных местоимений *мой, твой, наш, ваш* соответственно — по отношению к местоимению *чужой*. Оппозиция этих значений по оценке ус-танавливает границы явлений субъектно-объектной зависимости — полей взаимных отношений — в языке и по ситуации в речи: значение собственности если не разрушает, то ограничивает поле взаимности:

Брат брату стал говорить и то мое, и это мое... [22]

Также в пословичном материале:

Муж свое, жена свое [11];

Пусть говорят, а ты знай свое [11];

Разошлись при своих [11];

В каждом доме порядок свой. — В чужой монастырь со своим уставом не ходят [11].

Установление поля взаимности происходит через преодоление *себя*, собственно *своего*:

Всяк по-своему, да никто по Божьему [11].

Притяжательность местоимения *свой* по значению шире, чем у местоимений *мой, твой, его, ее*. Как заметил А.М. Пешковский, «наша возвратность гораздо **шире** возвратности всех этих [неславянских индоевропейских — В.Р.] языков и вообще максимально широка» [3]. В поле взаимных отношений местоимения *мой, твой* разделяют субъектов как собственников (как это представлено в европейских языках), в перспективе вовлекая их в ситуацию антивзаимных отношений. Сравним: *Убери свою сумку. — Убери твою сумку.* — при прочих равных употребление возвратно-притяжательной формы в меньшей мере нарушает оценочную компоненту поля взаимности. Как будто русская речь в целом настраивает отношения владения на «общежительные», поэтому избыточным квалифицируется использование местоимения *свой*, «если контекст не требует (ввиду полной ясности) указания на принадлежность, отношение к лицу... *В ближайшие дни театр заканчивает свою работу над постановкой этой трагедии*» [23].

Взаимное действие, как коммуникативно значимое, жизненно важно для человека, и социальная значимость его представляется в формировании языка — синергетически организующейся уникальной лексико-грамматической системы. В диалогической речи языковые средства ФСК взаимности организуются и существенно поддерживаются речевой ситуацией, поэтому границы ФСК взаимности в своем формальном проявлении здесь снимаются и восстанавливаются необходимо по ситуации. В формах диалога: вопроса/ответа, согласия/возражения, этикетных формул при встрече, прощании, извинении, благодарности — реализуются взаимные отношения в условиях свернутых в действия соответствующих перформативов [24]: «*Это я виноват перед тобой* — ответ на извинение, при-

знание и своей вины в случившемся» [25] — тем самым обозначается и вступление в поле если не взаимных, то совместных отношений через взаимное действие оспаривания вины; *дать слово, он связан словом* [25] — значит обеспечить истинно взаимное действие: *не дав слово — крепись* (обдумай), *а дав слово, держись* (его) [25].

Устной диалогической речи известно сжатие второй части потенциально возможного сложносочиненного предложения конверсного типа в квантовую форму на уровне однословного предложения: *взаимно — «разг.»*. Ответ на приветствие, поздравление, пожелание, комплимент равному или младшему по возрасту, по положению: *Рад вас видеть. — Взаимно; Счастлив был с вами познакомиться. — Взаимно; Желаю вам всяческих успехов. — Взаимно* [25] — собственно это скрытая конверсная структура. Во всех этих случаях могли бы быть, но маловероятны «ответные» структуры, закрывающие диалог: *И я рада (рад) вас видеть; И я счастлив (счастлива) с вами познакомиться; И я желаю вам всяческих успехов*. Поле взаимности вырастает здесь из поля совместности. Отчетливее взаимные отношения видятся в диалоге взаимной благодарности: *Благодарю вас. — Взаимно. (Благодарю вас. — И я вас благодарю. = Спасибо! — И вам спасибо! = Спасибо! — Взаимно.)* — хотя и здесь в ответной реплике нет грамматического оформления взаимных отношений.

В *спасибо* по условиям частотного употребления этикетной формы в ситуации взаимных отношений в процессе опрощения выпало, как избыточное, и местоимение: *Спаси **тебя** бог* — ‘храни тебя господь’ — слова благодарности [11].

Далее по ситуации могут быть смещения по значению лица. Такие «перекаты» по персональности возможны в поле взаимности (как процесс самосогласования и квантования мысле-рече-языквой деятельности в ситуации общения, в поле взаимности).

Так, применение формы *благодарствуй* в значении ‘благодарю’ (*Благодарствуй за обед, — старушоночка сказала. — А. Пушкин*) вызвано, видимо, не столько фонетическими причинами [26], сколько движением поля персональности в поле взаимности. Сравним известное в речи младенца, формирующейся на основе русского языка: *На!* в значении ‘дай’; в польском языке: *Witajcie!* — ‘здравствуйте, приветствую’, буквально ‘приветствуйте’, в отличие от *Witam!* — ‘приветствую’.

Речевое содержание диалога далеко не всегда являет собой то, что мы определяем как поле взаимных отношений: адресат и адресант речи необязательно выступают по отношению друг к другу во взаимно-объектной зависимости упоминаемых в разговоре действий:

Ты прекрасно знаешь, как нужно держать себя, чтобы *не бросить тень на фамилию Тальберг*. — Хорошо... *Я не брошу тень на фамилию Тальберг* (М. Булгаков) —

и часто не являются и субъектами этих действий.

Таким образом возникает сложная соотнесенность внеязыкового поля соотнесения говорящих и поля персональности, возникающее в содержании диалога. В живой речи, когда возникают сложные отношения между языковыми формами соотношений субъектов взаимного действия и речи — также действия

взаимного, возникает сложная проблема удерживания этого соотношения при сохранении соотношения средств персональности по отношению к внеязыковой действительности.

Функциональные переходы от передачи взаимных отношений участников взаимного действия к участникам речевого действия и обратно (*Я вас благодарю = Автор благодарит своих слушателей*) также выполняют стилистическую функцию акцентировки передачи отношений в поле взаимности:

Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастья познакомиться с почтенным хозяином (записка А. Пушкина И.С. Зеновичу).

Функциональные движения в использовании форм лица относятся к фоновому воздействию средств ФСК персональности на значение взаимных отношений. Вежливая форма множественного числа в случае одного лица используется в поле взаимных действий по этикету официальных отношений:

Продавец в присутствии покупателя, которого он обслужил, говорит своей напарнице: *Я их уже обслужил.* (наши записи 1966 г., Москва, магазин «Дружба»);

в ожидании ревизора: *...если спросят, почему не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не забудьте сказать, что началась строиться, но сгорела* (Н. Гоголь).

В воспитательных целях также повышается стилистический уровень речи, что отражается в литературе:

Прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выламывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли? (А. Гайдар) —

‘мы уже с вами знакомы’ — ‘мы уже с тобой знакомы’ — ‘я уже тебя знаю’ — ‘я уже тебя заметил’ — так, снижая стилистические формы выражения взаимных отношений, получают фактическое значение предложения.

Местоименность как функциональное явление в пределах поля взаимных отношений показывает целостность и системность организации ФСК взаимности: ее местоименный центр (*друг друга* и конкурирующее с ним местоимение *себя*) и периферию (персоналию — специфическую парадигму личных местоимений, ориентированную на исходное множество субъектов) и обнаруживает в языке и речи ее взаимодействие с полем персональности и посессивности. Конструктивная заданность функционирования местоимений в поле взаимности подтверждает справедливость выведения их за пределы знаменательных частей речи. Некоторые особенности функционирования местоимений просматриваются особенно ясно в поле взаимных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кирьянов А.П. Научно-технические проблемы естествознания. — М., 1999. — С. 70.
- [2] Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — Т. 7: Российская грамматика. — М.; Л., 1952.

- [3] *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938.
- [4] *Рословец Я.И.* Значение и синтаксические функции сочетаний *друг друга, друг с другом* и т.п. // Современный русский язык: Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, 1964. — С. 179—189.
- [5] *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в русском языке. — М., 1968.
- [6] *Радзиховская В.К.* Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: сложная система, ее свойства, принципы изучения. — М.: «Прометей», МПГУ, 2005.
- [7] *Радзиховская В.К.* Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: квантово-синергетический аспект. — М.: «Прометей», МПГУ, 2005.
- [8] *Радзиховская В.К.* О залоговой характеристике глаголов взаимного действия // Развитие и функционирование русского глагола. — Сб. № 133. — Волгоград: Изд-во Волгоградского пединститута имени А.С. Серафимовича, 1980. — С. 61—69.
- [9] *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — М., 2003.
- [10] *Радзиховская В.К.* Квантовая природа языка как основание актуализации функционально-семантической категории взаимности в русском языке // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки. — М.: Прометей, 2004. — С. 58—68.
- [11] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Совмещенная редакция В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. — М., 2001.
- [12] *Пешиковский А.М.* Еще к вопросу о предмете синтаксиса // Русский язык в советской школе. — 1929. — № 2.
- [13] *Откупщикова М.И.* Статус взаимного залога // Проблемы категории залога. — Л., 1978.
- [14] Толковый словарь русского языка / Под ред проф. Д.Н. Ушакова. — М., 1938.
- [15] *Радзиховская В.К.* К тематической систематизации лексического основания функционально-семантической категории взаимности // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Чтения имени профессора С.А. Леонова). 7—8 декабря 2007 года. — М.; Ярославль, 2007. — С. 33—38.
- [16] *Радзиховская В.К.* Аксиологическая значимость языковых средств со значением мыслерече-языкового действия в поле взаимности / «Психолингвистика и современная логопедия». — Монографический сборник под редакцией Л.Б. Халиловой. Рекомендовано Учебно-методическим объединением высших учебных заведений Российской Федерации по педагогическому образованию. — М.: Экономика, 1997. — С. 56—71.
- [17] *Мразек Р.* Функционально-семантическое поле взаимности и совместности (на русско-чешском материале) // *Československá rusistika*. — 1987. — XXXII. — № 3. — С. 114—122.
- [18] *Радзиховская В.К.* Конверсивные/дисверсивные трансформы в поле функционально-семантической категории взаимности // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки. Сборник статей. — М.: ГНО Издательство «Прометей» МПГУ, 2006. — С. 92—98.
- [19] Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. — М., 1952.
- [20] *Радзиховская В.К.* Предмет взаимного интереса в поле взаимности // Язык и мышление: Психолингвистический и лингвистический аспекты. Материалы 5-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 11—14 мая 2005 г.). — Москва-Пенза, 2005. — С. 94—97.
- [21] *Wilczewska K.* Czasowniki zwrótné we współczesnej polszczyźnie. — Toruń, 1966.
- [22] *Радзиховская В.К.* Системность полей взаимности как мера организации текста художественного произведения (на материале «Слова о полку Игореве») // Наследие Д.С. Лихачева в культуре и образовании России: Сб. материалов научно-практической конференции (Москва, 22 ноября 2006 г.). — В 3 т. — Т. 2. — М.: МГПИ, 2007. — С. 55—66.
- [23] Трудности русского языка — словарь-справочник журналиста / Под ред. Л.И. Рахмановой. — Издательство Московского университета, 1974.

- [24] Львов М.Р. Основы теории речи. — М., 2000.
[25] Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. — М.: Издательство «Астрель», 2004.
[26] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. II. — М., 1967.

PRONOMINALITY OF MUTUALITY'S FIELD IN RUSSIAN LANGUAGE

V.K. Radzikhovskaya

Russian language department
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119435

The article presents *pronominality* as a founding of the functional-semantic mutuality's category. It is here established the displacement of opposite pronoun's paradigm on the plurality's context. Also it is shown forms specific to the semantic structure of this category in Russian language.

Key words: pronominality, mutuality, functional-semantic category.